

В. М. Шукшин: «СОВЕСТЬ, СОВЕСТЬ, СОВЕСТЬ...»

«Думу свою донести людям» — этими словами В. М. Шукшина назван альбом из двух пластинок, выпускаемый осенью этого года фирмой «Мелодия» (авторы сценария и режиссеры М. Айзенберг и М. Волоцкий). На пластинках этих вместе с голосами людей, близко знавших Василия Макаровича, прозвучит голос самого писателя. Шукшин расска-

зывает о замысле своего неосуществленного фильма «Степан Разин».

Незадолго до запуска фильма о Разине в производство писатель встретился с корреспондентом итальянской газеты «Уинта». Это было последнее московское интервью: на другой день Василий Макарович уехал на съемки фильма «Они сражались за Родину»...

I.

Корреспондент:—Если можно, ваши планы ближайшие, хотя, конечно, это очень трудно спрашивать у писателя, какие у него планы. Я знаю, например, о вашем новом фильме. Я имею в виду «Степана Разина».

Шукшин: — Теперь я думаю, что где-то по осени выйду в запуск фильма о Степане Разине. Я давно к этому иду, примерно шесть лет.

Почему мне хочется сделать этот фильм? Не разбегается ли он с постоянной моей тематикой? Я думаю, что нет, потому что нет, потому что Степан Разин — это тоже крестьянство, но только триста лет назад. Почему эта фигура казачьего атамана выросла в большую историческую фигуру? Потому что он своей силой и своей неуемностью, своей жалостью даже — воткнулся в крестьянскую боль. Вот это обстоятельство. Были до него удачливые атаманы, после него удачливые атаманы, были такие же яркие... Это была среда, которая выдвигала, выдавала из себя действительно по-настоящему одаренных людей, воинов и разбойников... Но почему же один так прочно пойман народной памятью? Потому что он неким образом ответил вот той крестьянской боли. На Руси тогда началось закрепощение крестьянства. Оно разбегалось, оно искало заступников, оно оборонялось всячески от боярства, которое шло по переднему плану, и от закабаления. И

когда появился такой воjak и мститель — конечно, он собрал громаду людей. И оттого, что он сложил голову за это дело, он вошел прочно в историю, и особенно в крестьянскую память... Отсюда, так сказать, он у меня и появился как яркий, неповторимый яркий, сильный, вольный, могучий заступник крестьянства. Он казак, это немножко обособленное сословие русского народа, но для меня он прежде всего крестьянский заступник, для меня, так сказать, позднейшего крестьянина, через триста лет. Для того, чтобы мне его понять в зачатке, я его воспринимаю в одном качестве: это казак, это ремесленник от войны, это, неким образом, не крестьянин... Но дороже всего мне этот человек именно как человек, искавший волю... Замкнувший крестьянскую боль и чаяния. Вот отсюда — продолжение темы, а во времени — отскок на триста лет назад в историю. Но это все то же крестьянство. Я так думаю, что я просто-напросто не сумею много рассказать, проживи я даже три жизни. Очень у нас это все... запутанно, потому что... слишком крут перелом, поворот в истории общественной формации, общественной психологии, особенно в среде крестьянства. А если еще помнить, что в двадцатые годы в нашей стране было, наверное, восемьдесят процентов крестьян, подавляющее большинство, то есть можно говорить о народе, почти о народе... Ну, несколько вычленив спе-

цифику крестьянской жизни...

Таким образом, когда нынешние критики говорят «деревенский писатель», они не совсем правы в том плане, в котором наклейкой, этикеткой своей немножко обуживают смысл самого этого явления. Мне нравятся так называемые деревенские писатели... Мне они представляются очень честными людьми. И они — не случайно пришли. Я ничуть не отказываю в каких-то ценностях другим писателям... городским, положим. Но у меня язык не поворачивается: обзывать их просто «городскими», я их этим обижая.

Корреспондент: — Как вы думаете, когда может начаться и закончиться этот фильм о Степане Разине?

Шукшин: — Я думаю, он начнется осенью этого года, 74-го, а закончится где-нибудь в конце 76-го.

Корреспондент: — Сценарий ваш?

Шукшин: — Да, сценарий мой.

Корреспондент: — И вы будете режиссером и актером?

Шукшин: — Режиссер — я, а вот актер — не знаю. Я пишу актёра, я пока не знаю...

Корреспондент: — Однако вам самому хотелось бы сыграть Разина?

Шукшин: — Да, да! Наверное, так и будет, но я не откажусь себе в поиске. У нас очень провинции богаты актерами...

II.

Шукшин: — Стремилась мы исследовать не сюжет, не ис-

торию о том, как поехали Иван да Нюра на курорт к югу, к морю теплему.

А все же, если так можно сказать, исследовать внутренний сюжет, внутреннюю биографию. Нас заботило больше не так, как они ехали, не повествовательная часть этого дела, а то состояние души, в котором наш русский человек, крестьянин, ныне живет. Этот человек глубокой доверчивости, большой доброты, доброты, что очень важно, очевидно, в наше бурное время... Нам бы про душу не забыть, нам бы немножко добрее быть, нам бы с большими скоростями не забыть, что мы люди. Но раз уж так случилось, живем на земле, ну так и будь ты повнимательнее друг к другу, подобнее. Вот. Лично я старался рассказывать про дела души.

Я, к сожалению, живя в городе, наблюдаю уже с этого конца теперь приход деревенских людей и вижу, что утраты такие происходят, утраты происходят. То есть на веру берутся какие-то такие, значит, ценности, которые не есть ценности.

Мне вообще хочется, чтобы сельский человек, уйдя из деревни, ничего бы не потерял дорогого, что он обрел от традиционного воспитания, что он успел понять, что он успел полюбить, не потерял бы любовь к природе, не потерял бы любовь и родство с каким-то окружением животного мира, в лесу, на реке, потому что несколько меня угнетает изолированность от всего этого городского человека. Отсюда у меня желание, чтобы он это хранил в себе и нес бы дальше в жизнь.

В душе должны остаться те силы, которые не позволяя этим людям, уехавшим вчера из деревни, сегодня попол-

нить ряды городских обывателей. Это отчасти происходит, и это очень жаль. Это очень жаль.

Я вижу, как вчерашняя деревенская девушка приехала сюда, в город, устроилась продавщицей, и к ужасу, в общем, нашему, если она догадается ужаснуться, она прежде всего научилась кричать, вот она научилась кричать, вот она научилась: а-а-а! потому что овладеть традиционной городской культурой — это тоже с налета не сделаешь, это тоже, так сказать, процесс, длинный, большой, вековой. А, к сожалению, она только научилась вот, что можно так. Вот осмелела здесь на своем месте и вот тебе, значит, значит, уже что-то утратила. Это жаль, жаль, глубоко жаль. Мне охота помочь литературой своей, кино... Вопрос совести, вопрос нравственного богатства нашего, даже не столько наш, сколько в целом общества... В обществе, вообще говоря, вопрос совести должен стоять высоко и дорого, и когда наши современники утрачивают его, так или иначе, остроту этого вопроса притупляют и идут на какие-то компромиссы, он у нас же на глазах должен получить, обрести своеобразную оценку этому, мы на этом должны учиться, очевидно, на судьбах в целом, на судьбах.

Положим, научно-техническая революция. Это красиво звучит, но это несет с собой еще и негатив какой-то. Я хочу, чтобы герои (или наши люди) не растерялись и чаще бы привлекали для решения вопросов в тех или иных ситуациях совесть, силу сердца своего... Совесть, совесть и совесть — вот это должно не исчезать.